

Аграрное развитие Аргентины во второй половине XIX – начале XX вв.

Agrarian development of Argentina in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries

КазакOV Владимир Петрович

доктор исторических наук,

Институт всеобщей истории РАН

Kazakov Vladimir

doctor of historical sciences,

Institute of World History of RAS.

E-mail: nick3334@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8703-4793.

Аннотация: Данная статья посвящена заключительному этапу формирования аграрного строя Аргентины. Основы современной аргентины были заложены в это время. Тогда в аргентинской пампе произошли значительные изменения. Земля, на которой выращивался скот для получения шкур, жира и солонины превратилась в пашни и пастбища, засеянные люцерной, на которых пасся метизированный скот. Эти сдвиги сопровождалась развитием земледелия и овцеводства. Фригорифики – предприятия по производству охлажденной говядины – сделали возможным ее продажу на рынки Великобритании. Аргентина стала одним из мировых производителей пшеницы, кукурузы, говядины, баранины и шерсти. Указывается, что за этими успехами стояла структура земельной собственности – господство латифундий, крупной земельной собственности. В Аргентине не суще-

ствовало гомстед акта или иной другой масштабной политики распределения земли, что позволило бы укоренять иммигрантов в стране путем предоставления им земельной собственности. Аргентинская землевладельческая элита владела лучшими землями, в результате чего иммигранты становились краткосрочными арендаторами, которые обрабатывали землю, но не владели ею. Господство латифундизма и арендной системы тормозили интенсификацию сельскохозяйственного производства. Аргентине не удалось создать современную аграрную экономику.

Ключевые слова: Аргентина, пампа, фригорифик, латифундия, аренда земли, иммиграция.

Abstract: The work is devoted to the final stage in the formation of agrarian regime in Argentina. The foundation for contemporary Argentina was built at that time. On the Argentina pampas a significant change took place. A land that had produced cattle useful only for hides, tallow and salted beef was transformed into cultivated fields and pastures where fences closed stock into alfalfa pastures. The rise of the farming and sheep ranching accompanied this shift in the cattle economy. Frigorificos – plants for production of chilled beef made it possible to be sold in markets of Great Britain. Argentina became one of the world's leading exporters of wheat, corn, beef mutton and wool. It indicates that behind this economic accomplishment lies land structure – the predominance of large ownership – latifundia. Argentina had no homestead act or other long-term land distribution plan that would root immigrants to the nation by granting them ownership of the soil. The Argentina landed elites owned most of the good land with the result that immigrants became tenants on short term leases. The farming developed primarily as servant to the predominant sheep and cattle interests. The result was a pampa without settler filled with migrant tenant farmers a land exploited but not possessed. The predominance of latifundia and the land tenant system retarded the intensification of agrarian sector: Argentina failed to build a modern agrarian economy.

Keywords: Argentina, pampas, frigorifico, latifundia, land-tenant system, immigration.

DOI: 10.32608/2305-8773-2024-41-1-79-116

Дата публикации: 27.03.2024

Ссылка для цитирования:

Казак В.П. Аграрное развитие Аргентины во второй половине XIX – начале XX вв. // Латиноамериканский исторический альманах. 2024. № 41. С. 79-116. DOI: 10.32608/2305-8773-2024-41-1-79-116

На рубеже XIX–XX вв. окончательно сложилась агроэкспортная модель аргентинской экономики. Страна вышла на ведущие позиции на мировом аграрном рынке, заняв восьмое место в мировой торговле. Национальный доход на душу населения превышал аналогичный показатель многих европейских стран. Несколько миллионов выходцев из Европы переселились в Аргентину в поисках лучшей доли. В Европе ходила поговорка: «Богат как аргентинец». Казалось, что и дальше страну ожидает безмятежное существование, потому что не верить в это, по убеждению многих, равносильно сопротивляться самой природе, наградившей страну столь плодородной землей, способной с минимальными усилиями производить максимум разнообразной продукции.

Дальнейший ход событий развеял этот оптимизм. Страна утратила лидирующие позиции на мировом рынке и погрузилась в пучину экономического кризиса и политической нестабильности. В чем причина аргентинского упадка или, как говорили, «чуда аргентинской слаборазвитости».

В поисках ответа на этот вопрос мнения историков разделились. Историки либерального направления К. Диас Алехандро, Р. Кортес Коредо и др.¹ видели причины упадка сельского хозяйства в политике Х.Д. Перона, который «наказал деревню».

Но эти объяснения не стали господствующими, т.к. явно противоречили фактам, которые указывали, что причины сле-

---

¹ Diaz Alejandro, 1975; Cortes Corede, 1979.

дует искать в сложившейся в стране аграрной структуре. Этот подход стал преобладающим на протяжении большей части XX в.: историки различной идейно-политической направленности – Х. Оддоне, О. Джиберти, А. Феррер², специалисты ЭКЛАК ООН³, Р. Гайар, К. Сольберг, Дж. Скоби⁴ были согласны в том, что концентрация земельной собственности являлась тормозом, задерживавшим развитие сельского хозяйства страны.

Аналогичный взгляд сложился и в отечественной историографии⁵.

В конце XX в. в историографии появилось новое направление – Х. Сабато, А. Пусиарелли, М. Малхолл⁶ и др. Историки нового направления подвергли критике традиционный взгляд на неэффективность аграрного сектора. По их мнению, эстансьеро действовали рационально, быстро реагируя на изменения конъюнктуры мирового рынка.

Дискуссия велась вокруг трех главных вопросов: аграрная структура пампы; конъюнктура мирового рынка; политика государства. Наибольшее внимание уделялось аграрной структуре. Выделялись два ее аспекта: структура земельной собственности и пользование землей; форма организации и функционирования сельскохозяйственного предприятия. Утверждалось, что концентрация земельной собственности стала уменьшаться в силу закона о наследстве, который обязывал владельца земли разделить ее на равные доли среди всех наследников, и возникновение в середине XIX в. рынка земли. Одновременно признавалось, что раньше раздел земли производился среди кучки привилегированных по символической цене. Это повлияло на форму организации хозяйства, но подчеркивалось, что и в этом случае оно велось рационально, следуя логике получения прибыли и ренты.

Главное внимание обращалось на роль рынка в разделе земли, но также отмечался рост ее рыночной стоимости. Поэтому

---

² Oddone, 1956; Giberte, 1981 Ferrer, 1963.

³ CEPAL. El desarrollo, 1959.

⁴ Gainard, 1981; Solberg, 1981; Scobie, 1964.

⁵ Очерки... 1961; История... 1993.

⁶ Sabato, 1986; Bonaudo, Pucciarelli, 1993; Mulhall, 1885, 1892.

раздел земли, начатый рынком, нашел предел в существовании крупной земельной собственности. Несмотря на это, раздел земли все же продолжался. Выросло число собственников меньше 2500 га. Поэтому структура земельной собственности не была столь поляризованной как утверждали историки-«традиционалисты». Но все же и к 1960 г. 51% хозяйств превышал 1000 га и 39% из них были свыше 5000 га.⁷

Перед исследователями нового направления встал вопрос: почему сохранялось экстенсивное хозяйство и как объяснить существование скотоводства на землях, пригодных для земледелия. Их не устраивало традиционное объяснение, сводящееся к господству крупной земельной собственности; крупные земельные собственники специализировались на экстенсивном скотоводстве еще до того, как земледелие превратилось в прибыльный бизнес, после чего оно было полностью подчинено скотоводству. Землевладельцы стремились к получению ренты и их целью было сконцентрировать в своих руках как можно больше земли, как для выращивания скота, так и для сдачи в аренду. В свою очередь, арендаторы из-за краткосрочности аренды кочевали с участка на участок и не были заинтересованы во вложении капитала и использовании передовых технологий. Результатом всего этого была отсталая и неэффективная система производства, не способная обеспечить устойчивое накопление капитала.

Сторонники нового взгляда, по их словам, решение проблемы перенесли внутрь господствующей структуры. Выбранная собственниками земли предпринимательская структура (комбинирование скотоводства с земледелием) призвана была защитить их от рыночных рисков. Она диверсифицировала риски и экстенсивный характер производства был прямо связан с этой формой предпринимательской организации. Располагая достаточным количеством земли, эстансьеро мог гибко реагировать на изменение рыночной конъюнктуры, переходя от скотоводства к земледелию и обратно.

---

⁷ Bonaudo, Pucciarelli. P. 18.

В таком смешанном животноводческо-земледельческом хозяйстве земледелие не было дополнением к скотоводству, а являлось частью глобального бизнеса эстансьеро. Чакарерос (земледельцы) со своей стороны были предпринимателями, которые вели собственное хозяйство, но одновременно составляли часть более крупного, находившегося в руках собственника. Сдавая землю в аренду чакареро, эстансьеро использовал фактор, который был у него в избытке – землю, избегая при этом прямой найм рабочей силы и вложения новых капиталов.

Эстансьеро, используя свое положение крупного собственника и природные условия (почву, климат), действовал по своему рационально, беря на вооружение предпринимательскую стратегию горизонтального охвата и диверсификации производства. Вместо специализации производства был выбран путь его мультипликации: предоставить часть земли под откорм скота и земледелие в соответствии с требованиями рынка. Такая гибкая, с точки зрения эстансьеро, структура требовала сохранения животноводческо-земледельческого хозяйства, иными словами, экстенсивного хозяйства.

Историки нового направления не могли не признать, что выбранная хозяйственная модель тормозила использование технологий, которые могли ее подорвать, а тем более уничтожить. Но тем самым они фактически признают, что крупное землевладение чем дальше, тем больше тормозило технический прогресс сельского хозяйства.

Историографические споры побуждают еще раз обратиться к особенностям аграрного развития Аргентины в рассматриваемый период. Этому посвящена настоящая статья.

В середине XIX в. выращивание крупного рогатого скота на открытых пастбищах и переработка его продуктов на саладеро, составлявший вместе с эстансией единый агропромышленный комплекс, достигло своего максимального развития. Клонившиеся к своему упадку районы плантационного рабовладельческого хозяйства побуждали скотоводов переориентироваться на новые виды производства и экспортные товары. Таким товаром стала овечья шерсть.

Растущая текстильная промышленность западноевропейских стран нуждалась во все растущем количестве шерсти. Аргентина могла удовлетворить этот спрос, перейдя к разведению овец. Строго говоря, овцеводство существовало и в колониальный период. Но теперь выращивание овец стало носить специализированный характер, началось улучшение стада для удовлетворения спроса на внешнем рынке. Как и в случае с крупным рогатым скотом решающую роль сыграла внешнеэкономическая конъюнктура. Но было и отличие. С экспортом шерсти Аргентина вышла на европейский рынок, чего она не могла сделать с традиционными продуктами скотоводства: солёным мясом и шкурами.

Эстансьеро, учитывая большой спрос на шерсть, начали специализироваться на разведении овец. Шерстяное овцеводство вытеснило крупный рогатый скот с лучших пастбищ в пампе: овца – корову, а пастух – гаучо.

Возможность быстрого и легкого обогащения охватило прежде всего население Буэнос-Айреса. Часть портенъос (жители Буэнос-Айреса. – *В.К.*) переселилась в деревню. Ими двигала жажда прибыли, которая в овцеводстве была выше, чем в скотоводстве. Овца, которая в 1852 г. стоила 2 песо, через пять лет стоила 30-35 песо. Уже в 1862 г. стоимость экспорта шерсти сравнилась со стоимостью экспорта продуктов крупного рогатого скота⁸. В физическом объеме экспорт шерсти вырос с 7618 т в 1850 г. до 90720 т в 1875 г.⁹ В 1853–1873 гг. стоимость экспорта продуктов скотоводства увеличилась на 160%, а овцеводства на 400%¹⁰.

Развитие овцеводства положило начало важным социально-экономическим переменам в сельском хозяйстве страны. Прежде всего это касалось производительных сил. Овца, в отличие от коровы, нуждалась в огороженном пастбище, поскольку уже не рассматривалась только как продукт природы. Появилась необходимость ввести в сельскохозяйственный оборот пастби-

---

⁸ Giberti, 1981. P. 152.

⁹ Ibid. P. 153.

¹⁰ Sabato, 1988. P. 51.

ща без естественных водоёмов. Началось рытье колодцев и появилась опрокидывающаяся бадья, что позволило использовать под пастбища подверженные засухе земли. Появление салотопен-грасериас сыграло в развитие овцеводства роль аналогичную саладерос при становлении товарного скотоводства.

Европейская текстильная промышленность нуждалась в сортах шерсти, которая креольская порода овец не могла дать. Поэтому новая отрасль животноводства развивалась на основе метизации овец. Начался импорт мериносов и их скрещивание с местной породой. Появились «кабаньи» – хозяйства по выращиванию племенных животных, настоящих предприятий по производству средств производства в овцеводстве.

Все это потребовало значительно большего количества рабочих рук, нежели при разведении крупного рогатого скота, потребности которую местное население не могло удовлетворить. Первоначальная нехватка рабочих рук обусловила специфические отношения на основе аренды – апарсерии. Апарсерия представляла собой способ привлечения рабочих рук в овцеводческое хозяйство. Производственные отношения строились на основе контракта между работником, который помимо своей рабочей силы вкладывал в производство часть капитала, и эстансьеро, который вместе с землей представлял остальной капитал. Полученная прибыль делилась в соответствии с авансированным капиталом. Первоначально, когда в качестве апарсеро выступал неимущий работник, его отношения с эстансьеро напоминали отношения рабочего и капиталиста. Первый продавал свою рабочую силу второму в обмен на зарплату. Только в эту зарплату входила половина приплода стада и продуктов овцеводства. При известном старании и везении (отсутствие эпидемий в отаре) апарсеро через три года мог обзавестись собственным стадом и уже в качестве мелкого предпринимателя арендовал у эстансьеро землю. Таким образом апарсеро, в отличие от пролетария получал доступ к главному средству производства – животным и тем самым имел возможность повысить свой социальный статус.

В пампе, прежде всего в провинции Буэнос-Айрес, получила развитие мелкая и средняя буржуазия. В 1884 г. из 78 млн овец

стоимостью в 136 млн золотых песо 22–24 млн овец стоимостью в 63 млн принадлежали иммигрантам¹¹, верхушка которых получила землю и становилась эстансьеро. В провинциях Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Энтре-Риос и Кордова им принадлежало 4,3 млн га земли, что вместе со скотом и другим имуществом оценивалось в 98 млн золотых песо¹².

Однако же в 1875–1885 гг. процесс приобретения апарсеро земли замедлился, а к 1890 г. прекратился совсем. Исчезла и сама форма апарсерии. Ей на смену пришли отношения капиталистического найма. А иммигранты, желающие обзавестись стадом, могли его приобрести по рыночным ценам. Овцеводство окончательно приобрело капиталистический характер: товарная основа производства, наемная рабочая сила, работа на мировой рынок.

Шерстяное овцеводство осталось крупнейшей отраслью животноводства до конца XIX в. Об этом убедительно говорило соотношение поголовья крупного рогатого скота и овец, которое в 1895 г. составило соответственно 21,7 млн и 74,3 млн голов¹³. По количеству овец Аргентина уступала только Австралии, а по поголовью крупного рогатого скота занимала третье место в мире, после США и России¹⁴. В 1889 г. Аргентина вывезла 141,8 тыс. т шерсти на сумму в 56,7 млн золотых песо, что принесло 50% экспортной выручки¹⁵.

Развитие овцеводства положило начало огораживанию пастбищ. Огораживание и более интенсивное использование земли заложили основу для развития в пампе товарного земледелия.

Земледельческая колонизация началась после свержения в 1852 г. диктатуры Х.М. Росаса. Инициатива исходила от правительства Конфедерации, которое было заинтересованно в проведении колонизации и развития земледелия. Для поощрения иммиграции принимались различные меры: отмена паспортов,

---

¹¹ Mullhall, 1885. P. 22.

¹² Ibidem.

¹³ Segundo censo. V. III. P. XXXVI.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Extracto estadístico... P. 67.

оплата иммигрантам проезд до Аргентины, предоставление земли.

Как правило, группы из 200 семей колонистов одной национальности образовывала земледельческую колонию. Каждая семья получала 33 га земли, ей предоставлялось жилье или денежный эквивалент, орудия труда, скот, семена, продовольствие. Все это возмещалось из урожая. Колонисты освобождались от налогов и воинской службы, но обязаны были организовываться в гражданскую гвардию для защиты от набегов индейцев.

Организация колоний строилась на принципах самоуправления: каждая из них управлялась мировым судьёй и комиссией из 10 человек, выбранных самими колонистами и утверждёнными властями. В их ведение находились школьное образование, медицинское обслуживание, строительство и содержание дорог, мостов, проведение ирригационных работ. Иммигранты имели право голоса при выборах в местные органы власти¹⁶. Таким образом в зоне земледельческих колоний сложилась система автономных муниципалитетов, что выгодно отличало их от остальной Аргентины, где отсутствовало местное самоуправление и продолжался произвол мировых судей – ставленников латифундистов.

Земледельческая колонизация имела большое значение для аграрного развития прежде всего провинций Санта-Фе, Энтре-Риос и Кордова, которые стали специализироваться на выращивании пшеницы, кукурузы и льна – в 1893 г. 3,4 млн га посева¹⁷, что позволило уже с конца 1870-х гг. начать экспорт зерновых. В 1895 г. насчитывалось 709 колоний с земельной площадью в 6,2 млн га¹⁸.

Благодаря земледельческим колониям начался переворот в техническом оснащении земледелия. В первой половине XIX в. в Аргентине все еще землю пахали сохой. С развитием колоний поселенцы стали широко применять сельскохозяйственную

---

¹⁶ Documentos... Т. III. P. 425–429; P. 27–28.

¹⁷ Segundo censo. V. III. P. XI, IV.

¹⁸ Ibid. V. I. P. 660.

технику. В 1895 г. в стране насчитывалось 387 400 сельскохозяйственных орудий и машин, в том числе 4428 паровых мощностью в 32 270 л.с.¹⁹

Успехи земледелия признавались и правительством. «Эта отрасль производства, – отмечалось в одном из президентских посланий, – приобрела уже серьёзное значение в стране и начала теснить скотоводство и на землях вдоль судоходных рек, железных дорог и в окрестностях населенных пунктов»²⁰.

Вместе с тем государственная колонизация, которая обеспечивала иммигрантам наиболее легкий доступ к земле, продолжалась недолго. Ей на смену в конце 1880-х гг. пришли частная колонизационных и железнодорожных компаний латифундистов. Она не противоречила интересам последних, напротив, поднимало цену на принадлежавшие им земли.

В первом цензе провинции Санта-Фе 1887 г. отмечалось: «Такая торговля очень выгодна для продавца, который собирает с каждой лиги (2700 га) двойную цену. И он уверен в ее сборе, так как урожай обеспечивает выплату долга. Огромное увеличение стоимости земли приносят участки, представленные под населенные пункты. В несколько лет появляются деревни, где прежде была пустыня, а близлежащие земли стоят в 10 раз дороже»²¹. Таким способом крупнейшие собственники увеличили цену на земли.

Земледельческую колонизацию начали и железнодорожные компании. В 1864 г. в Лондоне была учреждена компания для постройки железной дороги Централь Архентина (Буэнос-Айрес – Кордова) с предоставлением ей 7% гарантии на вложенный капитал и бесплатно земли в 1 лигу (2700 га) по обеим сторонам пути, что составило 3456 км². Компания продавала колонистам в рассрочку 33,75 га земли за 400 золотых песо и выдавала аванс, который должен быть оплачен частью первого урожая, а цена земли четырьмя последующими. Эта система была перенята другими колонизационными компаниями.

---

¹⁹ Ibid. V. III. P. XXV.

²⁰ Senadores... 1877. P. 7.

²¹ Carrasko, 1888. P. V.

Обычно компании покупали 5000–10000 га земли, делили ее на участки в 80–150 га с целью продажи или сдачи в аренду²².

За продажей земли последовала сдача в аренду. Но это была уже не земледельческая колонизация, на что справедливо указывалось национальным сельскохозяйственным цензом, как и на мотивы поведения собственников. «Крупные собственники отдают себе отчет, что наиболее уместно сохранить собственность, чем ее продать. Нельзя назвать земледельческой колонизацией работу арендаторов и медьерос, которая распространена в провинции Энтре-Риос и Кордова»²³.

Лидером в развитии земледелия выступала провинция Санта-Фе, которая до начала создания колоний в 1856 г. практически не знала земледелия. В 1891 г. здесь насчитывалось 249 колоний с населением в 180 тыс. человек, земельной площадью в 2,8 млн га, в том числе 700 тыс. га пашни и стоимостью движимого и недвижимого имущества в 66,2 млн золотых песо²⁴.

Земледельческая колонизация в Санта-Фе шла двумя путями. На первом (1856–1870) провинциальные власти играли важную роль в развитии колонизации. На втором (1880–1895) правительство предоставило полную свободу колониям и сняло большую часть ограничений их деятельности. Власти могли по праву заявить: «Мы можем гордиться: ни одна провинция не добилась столь быстрого и в столь короткое время прогресса как провинция Санта-Фе»²⁵.

Все губернаторы провинции занимались земледельческой колонизацией, предлагая те или иные меры по ее стимулированию. Так губернатор Н. Ороньо в 1868 г. заявил: «Мы нуждаемся в рабочих руках иммигрантов, хотя бы у них и не было капитала. Настоящий капитал – это земля. Правительство не должно щадить сил, чтобы получить иммигрантов». Другой губернатор Байо в 1875 г. считал необходимым принять закон, позволяющий иммигрантам получить землю с условием ее обработки и

---

²² Fuchs, 1965. P. 23–24.

²³ Censo... 1908. Т. II. P. 596–597.

²⁴ Mulhall, 1892. P. 374–375.

²⁵ Цит. по: Ensinick... 1979. P. 47.

заселения²⁶. Однако столь радиальные предложения так и остались на бумаге.

До середины 90-х гг. XIX в. товарное земледелие в пампе развивалось независимо от скотоводства, а преобладающей тенденцией являлось превращение колониста в фермера – собственника земли. В целом по стране в 1895 г. в земледелии насчитывалось 180 459 хозяйств. Из них собственниками земли обрабатывалось 109 459 хозяйств или 60,7%; медьерос (испольщиками) – 15 789 или 8,7%; арендаторами – 55 127 или 30,6%²⁷.

В конкретно-исторических условиях второй половины XIX в. медьерос в земледелии, как и апарсерия в овцеводстве была переходной формой к собственному фермерскому хозяйству.

Примером того как быстро могло пойти социально-экономическое развитие Аргентины, не тормозись оно лати-фундией, может служить провинция Санта-Фе, где земледелие развивалось независимо от скотоводства и где преобладали фермерские хозяйства. Развитие капитализма в сельском хозяйстве этой провинции в наибольшей степени приближалось к американскому пути.

В период между первым (1869 г.) и вторым (1895 г.) национальными цензами провинция Санта-Фе по темпам экономического роста опережала другие провинции страны, в том числе крупнейшую провинцию Буэнос-Айрес. За четверть века прирост населения в Санта-Фе составил 396% против 199% в Буэнос-Айресе²⁸ и она находилась впереди всех остальных провинций по удельному весу городского населения, которое к 1895 г. практически сравнялось с сельским 198 тыс. и 200 тыс. человек соответственно²⁹. Занимая 5-е место по территории среди аргентинских провинций, Санта-Фе находилась на первом месте по обрабатываемой площади – 1,7 млн га, обогнав Буэнос-Айрес – 1,4 млн га³⁰. Провинция концентрировала ²/₃

---

²⁶ Ibid. P. 43.

²⁷ Secundo censo. V. III. P. XXXVII.

²⁸ Ibid. V. III. P. XXI.

²⁹ Ibid. P. 744.

³⁰ Ibid. V. III. P. XXX.

всех видов льна и $\frac{1}{2}$ всех посевов пшеницы в стране³¹. По уровню технической оснащенности земледелия Санта-Фе оставила позади все остальные провинции, не исключая Буэнос-Айрес. В 1895 г. на полях провинции работали 1243 паровые молотилки и насчитывалось 72 паровых мельниц, тогда как в Буэнос-Айресе только 705 и 59³².

Другим путем шло развитие провинции Буэнос-Айрес, где дело ограничивалось попытками модернизации скотоводства. Господствовал скептицизм в отношении земледелия. Сенатор Баррос, выступая в легислатуре провинции Буэнос-Айрес в 1873 г. выразил общее мнение скотоводов: «Отказаться от столь очевидных и хорошо известных выгод скотоводства, чтобы бросить все силы и ресурсы по земледелию, может ли это быть выгодным полезным для провинции? Газета «The Standard» английской колонии в Буэнос-Айресе была предельно категорична: «Не может быть более опасной ошибкой, чем думать, что главный интерес этой страны заключается в земледелии»³³. В первом цензе провинции Буэнос-Айрес 1881 г. указывалось, что из каждого 1 тыс. км² земли 684 км² приходится на пастбища и лишь 18 км² на пашню³⁴.

Плохо это или хорошо? Что предпочтительнее: развитие скотоводства или земледелия? Эти вопросы стали центральной темой обсуждения на страницах *Анналов* – органа Сельскохозяйственного общества, отражавшего интересы крупных скотоводов. Признавался упадок скотоводства, торговли и сокращение торговли³⁵. Констатировалось, что прежде скотоводство находилось в примитивном состоянии. «Мало думали об улучшении породы и огораживании пастбищ. В этих условиях импорт ценных пород скота был невозможен»³⁶.

Что же делать? Для скотоводов ответ был ясен. «Необходимо помочь скотоводству, чтобы поднялась стоимость его про-

---

³¹ Ibid. V. III. P. XIII.

³² Ibid. Vol. III. P. LVIII, CXIII.

³³ Цит. по : Giberty, 1981. P. 159.

³⁴ Ibid. P. 139.

³⁵ Anales. 1885. Vol. XIX. P. 510.

³⁶ Anales. 1883. Vol. XII. P. 199.

дуктов, и страна продолжала идти по пути прогресса»³⁷. Решительно критиковалась точка зрения, что на смену скотоводству должно прийти земледелие. «Теоретики путают. Они пытаются заменить скотоводство земледелием, тогда как мы имели колоссальное богатство, созданное скотоводством». Это утверждение аргументировалось как природно-климатическими условиями, так и всем предшествующем развитием страны, а также и интересами самих скотоводов. «Говорят, что наше будущее богатство – это земледелие, не задумываясь над тем, что его исключительное развитие означало бы смерть другого богатства, которому сегодня многие нации нам завидуют». И категорически провозглашалось: «Скотоводство было нашим источником богатства вчера является сегодня и будет завтра. Нигде в мире нет более благоприятных условий для его развития, чем в нашей стране, в отличие от земледелия, которое может развиваться на всех широтах. Для нашего скота мы не имеем конкуренции в мире, которую имеем в отношении продуктов земледелия»³⁸.

Но и исключительное развитие скотоводства в будущем также невозможно. Скотоводство нужно дополнить земледелием, что объяснялось необходимостью сохранить плодородие почвы. Для этого требовалось ротация скотоводства и земледелия. Использовать последнее как дополнение к первому. «Главный аргумент тех, кто говорит, что пастьба скота улучшает качество земли, это то, что скот удобряет почву. Но при большом количестве скота мы ухудшаем почву [...] Если оставить землю без животных, то она увеличит свое плодородие. А если оставить все как есть, то почва потеряет плодородие. Поэтому необходимо использовать землю под земледелие, чтобы затем вернуть ее под пастбища»³⁹. В то же время не было никакого сомнения в конечном превосходстве скотоводства над земледелием. «В тот день, когда выращивание скот будет вестись на

---

³⁷ Anales. 1885. Vol. XIX. P. 510.

³⁸ Ibid. 1886. Vol. XX. P. 431.

³⁹ Ibid. P. 81.

современном уровне, тогда мы посмотрим какая из двух отраслей дает больше результатов»⁴⁰.

Под современным условием скотоводства понимался способ выращивания такого скота, мясо которого способно было удовлетворить европейский спрос. А для этого нужны были искусственные пастбища, засеянные кормовыми травами. Но в какой пропорции и очередности должны быть пастбища, луга и пашня в 80-е годы XIX в. было еще не ясно. Шли эксперименты. К тому же многих скотоводов смущали значительные затраты на перестройку хозяйства.

С точки зрения эволюции аргентинской латифундии последняя треть XIX в. стала промежуточным этапом, периодом, когда старая эстансия исчерпала возможности дальнейшего развития, а новая еще не сложилась. Заминка в развитии скотоводства была вызвана положением на мировом рынке мяса.

До конца XIX в. конъюнктура мирового рынка не благоприятствовала перестройке эстансии в пампе. Основным мировым импортером мяса являлась Великобритания, на рынке которой господствовали США и Австралия. В 1875–1889 гг. 93% британского импорта свежей говядины шло из США⁴¹. Основным поставщиком мороженого мяса была Австралия. В 1860–1880 гг. аргентинская доля не превышала 0,5% всего мясного импорта Англии⁴². Интерес британского капитала к развитию мясной промышленности в Аргентине оставался незначительным вплоть до начала XX в. До 1901 г. в Аргентине действовали лишь три небольших британских фригорификов по производству мороженой баранины. Отсутствие спроса на аргентинское мясо на мировом рынке не стимулировало метизацию крупного рогатого скота. В 1888 г. 83% поголовья стада приходилось на малопродуктивную креольскую породу⁴³.

На первый взгляд и конъюнктура мирового рынка не благоприятствовала развитию аргентинского земледелия. Казалось,

---

⁴⁰ Anales. 1886. Vol. XX. P. 431.

⁴¹ Fuchs, 1965. P. 159.

⁴² Ibidem.

⁴³ Segundo censo. Vol. III. P. LXXXV.

что мировой аграрный кризис последней трети XIX в. должен был убить его. В действительности произошло обратное, кризис позволил аргентинским зерновым выйти на мировой рынок. Кризис вызвал падение цен на зерно ниже издержек производства, что повлекло за собой уменьшение посевных площадей в ранее заселенных районах. Здесь фермер не получал не только никакой прибыли на вложенный капитал, но даже обычной заработной платы за свой труд. Иным было положение на целинных землях. Наличие больших массивов свободной земли означало, что капиталистическая монополия хозяйствования на землю ещё не сложилась, не стала препятствием для создания новых и расширению уже существующих хозяйств. Дифференциальная рента находилась в текучем состоянии и не была еще рентой, фиксированной в арендных договорах, ипотеках и ценах на землю. Вновь осваиваемые плодородные земли имели преимущества и по урожайности, требуя меньших издержек производства, чем давно обрабатываемые земли. Все это создало необходимые внешние условия для развития мелкотоварного земледелия на свободных землях.

В целинных районах пампы начался рост производства товарного зерна в фермерских хозяйствах. Земледельческие колонии быстро удовлетворили внутренний спрос и приступили с середины 1870-х годов к массовому экспорту зерновых. За 1876–1888 гг. вывоз пшеницы вырос с 21 т до 178,9 тыс. т⁴⁴, кукурузы с 223 т в 1873 г. до 381,8 тыс. т в 1887 г.⁴⁵, льняного семени с 104 т в 1878 г. до 4,2 тыс. т в 1888 г.⁴⁶

Таким образом конъюнктура мирового рынка благоприятствовала земледелию и тормозила перестройку скотоводства.

Однако становление фермерского сектора происходило при сохранении экономического и политического господства крупных земельных собственников, которые не собирались терять

---

⁴⁴ Extracto estadístico. P. 72.

⁴⁵ Ibid. P. 68.

⁴⁶ Ibid. P. 67.

землю и свое господствующее положение в экономике и политике страны.

Но просто запретить развитие земледелия было невозможно, да и не выгодно самим латифундистам. Был выбран косвенный путь: путем соответствующей кредитно-финансовой политики сохранить контроль над экономическими процессами в стране и одновременно открыть новые источники обогащения для господствующего класса.

Выход виделся в земельной спекуляции, но не производительной, с целью «разместить, – как утверждалось в *Анналах*, – наше мясо за границей»⁴⁷, а чисто спекулятивный. С этой целью был монополизирован банковский кредит, его были лишены земельные хозяйства, проводилась инфляционная политика.

В 1880-е годы земельная спекуляция приняла невиданные прежде размеры, о чем свидетельствовали аккредитованные в Буэнос-Айресе иностранные дипломаты и печать, указывая на ее классовый характер, хотя само это слово не использовалось. «Участки земли, – писал русский поверенный в делах К.А. Богданов, – переходили десятки раз из одних рук в другие, цена на них искусственно возвышалась до нельзя, и приобретатели по большей части не любопытствовали узнать, где они находятся и в чем заключаются, а состояли земли часто из болот или бесплодных степей, под которые банки при предъявлении лишь актов о купле-продаже свободно ссужали деньги»⁴⁸. «Земля стала объектом мошеннической спекуляции, – отмечалось в докладах дипломатической миссии Мексики в Аргентине, – она закладывается лишь привилегированными на суммы, превышающие в 5, 10, а иногда и в 20 раз ее реальную стоимость. На рынок выбрасываются ипотечные обязательства на многие миллионы песо, которые в действительности не существуют»⁴⁹.

Для земельной спекуляции нужен был доступ к банковскому кредиту. По сведениям лондонского журнала «*Экономист*»

---

⁴⁷ *Anales*, 1885. Vol. XIX. P. 51.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1890. Д. 83. Л. 84.

⁴⁹ *Archivo General...* Exponente 1/111/82-0/890-91/1.

«около 200 человек распоряжались всем капиталом Национального банка»⁵⁰. «[...] министры вместе с кликой друзей Президента, – писал К.А. Богданов в Петербург, – неограниченно черпали займы без отдачи из банков»⁵¹.

Земельной спекуляции служил и рост денежной эмиссии, что вело к обесценению бумажных песо. Раскрывая смысл финансовой политики олигархии, орган английских деловых кругов газета «Файнэншл Таймс» писала: «Помимо продажных политиков, главным врагом здоровья финансов являются эстансьеро; в качестве земельного собственника и производителя в стране он заинтересован в том, чтобы покрыть свои расходы в бумажных песо, а получить доходы в золоте. Его представление о благополучии покоится на хороших рынках в Европе и построенных финансах в стране, т.к. таким образом европейское золото обеспечивает его дешевой землей и рабочими руками. Если бы не было молчаливой поддержки со стороны эстансьеро сельского общества в целом, обесценение аргентинской валюты не приняло бы столь катастрофических размеров»⁵².

Спекулятивный бум, не имевший непосредственного отношения к производству, преследовал определенные классовые интересы латифундистов. Для них необходимо было получить монопольный доступ к земле, не допустить к земельной собственности, по крайней мере, в значительных размерах, потенциальных фермеров и в то же время обогатиться.

Но как это сделать? Господствующий класс нашел выход в монополизации главного источника внутреннего накопления – дифференциальной ренты. Потенциально рента существовала, т.к. ожидание будущих доходов вызвали спекулятивное повышение цен на землю еще до того, как она была введена в хозяйственный оборот. В этих условиях рента материализовалась в виде цены на землю.

Но сама по себе монополизация доступа к земле и потенциальной дифференциальной ренты не давала собственникам

---

⁵⁰ The Economist. 1892. Vol. 6. P. 539.

⁵¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1890. Д. 83. Л. 88.

⁵² Цит. по: Paso, 1975. P. 357.

прибыли, пока земля оставалась вне торгового оборота. Необходимо было превратить землю в объект купли-продажи. Однако торговля землей грозила латифундистам ее потерей. Как избежать этого и одновременно получить спекулятивную прибыль?

Выход был найден в выпуске специальных земельных ипотечных обязательствах «седулас», имевших фиксированный 8% доход. Ими, а не деньгами выдавался кредит. «Седулас» стали идеальными для спекуляции ценными бумагами на европейских биржах перед кризисом 1890 г.

Получивший кредит в «седулас» продавал их по биржевому курсу, что в период бума 1880-х гг. приносило немалые доходы в валюте, т.к. европейцы, которые покупали их, платили золотом.

С ипотечными банками латифундисты расплачивались постоянно обесценивавшимися бумажными песо. По подсчетам американского исследователя аргентинских финансов Дж. Вильямса, 90% «седулас» ежегодно уходили в Европу, прежде всего в Англию, и они стали еще одним видом иностранных капиталовложений в Аргентине⁵³.

Доходы, полученные от продажи «седулас» не являлись прибылью на вложенный в сельскохозяйственное производство капитал. Это была чисто спекулятивная прибыль. Однако если «седулас» представляли собой обыкновенные бумажные обязательства, то средства, вырученные от их продажи, были полностью золотыми деньгами. Торговый секретарь британской дипломатической миссии в Буэнос-Айресе оценивал их в 28625 млн ф.ст. в 1892 г.⁵⁴ Эта огромная сумма осела в карманах аргентинской олигархии и в рассматриваемый период практически не вкладывалась в обработку земли. По подсчетам английской коллегии Вильямса А. Форда в 1885–1890 гг. Аргентиной за границей было взято в долг 705 млн золотых песо и 24% этой суммы составляли «седулас»⁵⁵. В то же время латифундисты

---

⁵³ Williams, 1969. P. 84.

⁵⁴ Sabato, 1988. P. 109.

⁵⁵ Ford, 1962. P. 140.

ревниво оберегали свои интересы и пресекали малейшие попытки посягнуть на их собственность. Это наглядно проявилось в связи с внесением в легислатуру Буэнос-Айреса законопроекта о Сельскохозяйственных центрах. Официальной целью их создания объявлялось развитие земледелия. В соответствии с законопроектом владельцы земли, заявленной под земледелие, должны ее разделить и продать колонистам. В случае отказа собственника его земля подлежала экспроприации, и государство выставляло ее на торги, разделив на участки под земледелие.

Законопроект вызвал бурное негодование скотоводов. Сельскохозяйственное общество оценило его как государственный социализм, нарушающий священное право собственности, на котором стоят все современные институты государства. «Сельскохозяйственное общество считает его экономически неуместным и контрпродуктивным, а с юридической точки зрения – вторжением в права собственности, которая абсолютна и священна»⁵⁶.

Оно призвало власти не объявлять войну земельной аристократии, которая в Европе, Северной Америке и английских колониях была главным мотором обновления сельского хозяйства, а «достигнуть взаимопонимания с крупными собственниками, более способными, чем колонисты без средств вести страну по пути прогресса, аналогичного тому, что господствует в Северной Америке и Австралии»⁵⁷.

Обсуждение законопроекта позволило крупным земельным собственникам высказаться по поводу любой экспроприации земли, будь то под земледелие, железные дороги или каналы. Для них она была неприемлема, как и прогресс, достигнутый такой ценой. «Если, к несчастью, будет принят этот закон, железные дороги, которые до сих пор считались элементами прогресса, с этого момента станут оружием грабежа. Все собственники воспротивятся прохождению железной дороги по их земле»⁵⁸.

---

⁵⁶ Anales. 1887. Vol. XXI. P. 342.

⁵⁷ Ibid. P. 313.

⁵⁸ Ibid. P. 389.

Яснее и категоричнее позицию господствующего класса трудно было выразить.

Под давлением латифундистов законопроект был радикально переработан и в окончательном варианте предоставлял земельным собственникам различные льготы и привилегии, если они создадут вокруг железнодорожных станций сельскохозяйственные колонии. Законопроект вызвал земельную спекуляцию, но было основано лишь несколько колоний⁵⁹. Британский посол следующим образом характеризовал этот закон: «Принцип закона и те выгоды, которые он предоставляет бесспорны. К сожалению, он послужил средством получения денег под фальшивыми предложениями. История этих сельскохозяйственных центров — это история обмана, мошенничества, фальшивых заявлений, завышенных оценок и невыполненных контрактов»⁶⁰.

Аграрная политика олигархии сдерживала развитие земледелия, что прямо отражалось на внешнеэкономическом положении страны. Аргентина постоянно имела отрицательно сальдо торгового баланса, покупая больше, а продавая меньше. В 1864–1890 гг. дефицит торгового баланса составил 369,3 млн золотых песо⁶¹. Кризис 1890 г. обнажил все пороки существовавшей в стране экономической модели.

В экономической литературе кризис 1890 г. получил название «кризиса Бэринга», по имени английского банковского дома, чья неплатёжеспособность стала центральным моментом кризиса. Дж. Вильямс убедительно показал, что для Аргентины кризис был долговым. Он отметил решающую роль иностранных займов в состоянии платежного баланса страны. Иными словами, Аргентина могла расплачиваться со старыми долгами лишь заключая новые займы. И когда наступил кризис и денежные поступления из-за границы прекратились, Аргентина оказалась банкротом⁶².

---

⁵⁹ Scobie, 1964. P. 45.

⁶⁰ Ibid. P. 119.

⁶¹ Подсчитано по: Extracto estadístico. P. 3.

⁶² Williams, 1969. P. 104.

Отечественный исследователь экономических кризисов XIX в. А.Л. Мендельсон рассматривал аргентинский кризис как часть английского в силу тесных экономических связей между двумя странами. Для Англии, после потери ею промышленной монополии, экспорт капитала стал средством расширения производства за пределы, которые ставились ему ограниченностью внутреннего рынка. Важным добавочным рынком для английской промышленности стали страны Южной Америки, в первую очередь Аргентина. Экономический бум в Аргентине был прямым следствием «избытка» в Англии капиталов, также как кризис – следствием английского кризиса⁶³.

В историографии кризис 1890 г. часто называют «кризисом прогресса», поскольку он произошел, когда Аргентина вступила в полосу экономического подъема. Строительство железных дорог, предприятий общественного пользования требовали значительных капиталов. Но в момент кризиса они в большинстве своем еще не были закончены и не приносили прибыли. Отсюда – неплатёжеспособность страны. Но они представляли будущее страны, ее прогресс⁶⁴.

В аргентинской марксистско-ленинской историографии кризис 1890 г. рассматривался в контексте усиления экономической зависимости Аргентины от Великобритании. Сам кризис трактовался как преимущественно торговый. Он повлиял прежде всего на внешнюю торговлю, значительно сократив импорт⁶⁵. В более широком историческом плане, рассматривая экономическое развитие Аргентины в целом, указывалось, что во второй половине XIX в. перед сельским хозяйством страны открылись два пути развития: так называемые американский и прусский. Олицетворением первого была провинция Санта-Фе. «Опыт колоний Санта-Фе до утверждения системы аренды, – писал Х. Фучс, – ясно указывает путь, по которому могло бы пойти аграрное развитие страны. Такой путь позволял укрепиться независимому колонисту, что дало бы импульс всему

---

⁶³ Мендельсон. Т. II. 1960. С. 310.

⁶⁴ Brailovsky. 1982. P. 58.

⁶⁵ Fuchs. 1965. P. 151.

аграрному развитию страны, его диверсификации, значительному техническому развитию, увеличению числа сельскохозяйственных рабочих»⁶⁶.

Повлияло ли на кризис 1890 г. существование двух путей аграрного развития? Этот вопрос остался вне поля зрения историков.

Между тем ответ на него позволяет увидеть глубинные основания, корни аргентинского кризиса. Развернувшийся в Аргентине спекулятивный бум, как и последовавший за ним кризис имел серьезные социально-экономические основания внутри страны. Они определялись особенностями переходного периода, который переживала господствующая социально-экономическая структура. В условиях, когда конъюнктура мирового рынка не позволяла быстро модернизировать традиционную латифундию, а полное и беспрепятственное развитие фермерских хозяйств грозило олигархии потерей земли, господствующий класс проводил политику сдерживания развития зернового земледелия, что прямо отражалось на внешнеэкономическом положении страны. Однако именно за счет резкого увеличения производства зерновых можно было значительно поднять экспорт страны и таким образом свести на нет торговый дефицит.

Таким образом, дефицит торгового баланса являлся внешним выражением глубокого социально-экономического конфликта. Причины кризиса лежали не только в злоупотреблениях властей, ошибках в финансовой политике. Конфликт носил классовый характер. Содержанием конфликта было противоречия между развитием зернового земледелия и существовавшей системы скотоводческих латифундий. Конфликт имел промежуточный характер, т.к. возник между двумя фазами восходящего развития латифундий. С наступлением эпохи мясохладобойной промышленности – фригорификов этот конфликт разрешился в пользу латифундий.

---

⁶⁶ Ibid. P. 52.

А в 1890-е гг. именно развитие товарного земледелия обеспечило выход Аргентины из долгового кризиса и позволило преодолеть его последствия.

Таким образом, мировой экономический кризис, приведший к социально-экономическому кризису в Аргентине, создал и необходимые предпосылки для его разрешения на базе развития наиболее прогрессивных форм хозяйствования. Причины этого крылись в том влиянии, которое кризис оказал на аргентинское земледелие. Значительное падение цен на землю вместе с резким обесценением песо открыло доступ к главному богатству страны более широкому кругу людей. В то же время дешевая земля и деньги способствовали росту зернового экспорта, т.к. издержки производства на целинных землях были несопоставимы с европейскими, что позволяло вести хозяйство даже при низких мировых ценах на зерновые. Этим объясняется пшеничный бум в пампе тех лет и рост числа фермеров, ряды которых пополняли городские безработные иммигранты, что в свою очередь, способствовало смягчению общей социальной напряженности в стране, вызванной кризисом.

Вместе с тем, наметившаяся тенденция к росту независимого фермерского уклада не была подкреплена соответствующей государственной поддержкой, что имело для него крайне неблагоприятные последствия, когда началась модернизация латифундий, вызванная начавшимся развитием мясохладобойной промышленности.

На рубеже XIX–XX вв. произошел перелом в развитии скотоводства. Это было вызвано изменениям на мировом рынке мяса. Еще в 1901 г. мясной экспорт из США в Англию достигал 1,9 млн тонн, то в 1912 г. упал до нуля⁶⁷. Прекращение американского мясного экспорта открыло дорогу аргентинскому. Первоначально он шел в форме торговли живым скотом. Однако в 1900 г. Великобритания его запретила. Выход виделся в создании фригорификов – мясохладобойных предприятий по производству мороженого, а несколько позднее охлажденного мяса.

---

⁶⁷ Paso, 1983. P. 26.

Но возможно ли развитие мясохладобойной промышленности в стране собственными силами? Есть ли необходимые средства? Справедливой оказалась точка зрения тех, кто не считал, что эстансьеро на это не способны, «поскольку они столь невежественны, сколь и эгоистичны; у них полностью отсутствует альтруизм, который позволил бы им из чувства патриотизма развивать промышленность, о которой идет речь, даже если это принесет им выгоду. Думать, что они вложат в это деньги, было чистой утопией»⁶⁸.

Мясохладобойная промышленность стала развиваться на основе привлечения иностранного капитала. Открытие принадлежавших английскому и американскому капиталу фригорификов позволило наладить производство мороженой и охлажденной говядины, которая наряду с мороженой бараниной предназначались на экспорт. Англия являлась главным рынком сбыта всех сортов аргентинского мяса, а охлажденной говядины, в силу природно-климатических и географических условий – единственным. Аргентина делила британский рынок мороженой говядины с Австралией и занимала второе место после Новой Зеландии в экспорте мороженой баранины⁶⁹. В 1914 г. 18 фригорификов с капиталом в 99 млн золотых песо выпускали продукции на 268 млн песо и на каждом из них было занято тысяча и более рабочих⁷⁰. Появление фригорификов повлекло за собой далеко идущие социально-экономические последствия. Для экспорта мясо креольской породы не годилось. Как писал один скотовод: «Нужно избавиться от тощего старого стада»⁷¹. Фригорификам требовалось мясо другого качества – более жирное. Нужно было улучшить стадо путем скрещивания с лучшими английскими породами. Метизированный скот требовал огороженных пастбищ. Огораживание означало крупные капиталовложения в проволоку, вежи, столбы. Все это импортировалось: в 1876–1905 гг. на сумму в 100 млн золотых песо.

---

⁶⁸ Anales, 1901. Vol. XXXIV. P. 76.

⁶⁹ Ortiz. 1955. P. 50.

⁷⁰ Historia argentina... Т. 3. 1965. P. 190–191.

⁷¹ Anales 1882. Vol. XXII. P. 4.

Огораживание пастбищ позволило установить четкие границы собственности, поскольку до огораживания земельная собственность, по словам составителей первого сельскохозяйственного ценса – «можно сказать, не существовала как только в виде титула»⁷².

Для нового скота нужны были специальные пастбища, подготовить которые только с помощью органических удобрений было нельзя. Для этого нужны были искусственные пастбища, засеянные кормовыми травами. Они позволяли улучшить качество мяса. Но травы можно было сеять только после посевов зерновых. Таким образом появилась необходимость в развитии земледелия. Но эстансьеро никогда не занимались земледелием.

Выход был найден и изложен в письме эстансьеро Б.Х. дель Карриль в сельскохозяйственное общество. Исходя из полученного опыта, автор отвергал возможность самим эстансьеро заниматься земледелием, как очень дорогого и рискованного, «потому, что это доказанная правда, что не всегда выращивание пшеницы, кукурузы оправдывает расходы на вспашку, посев и сбор урожая, если используется наемный труд»⁷³. Дель Карриль предложил следующее: вся эстансия делится на огороженные пастбища площадью в 1600–2000 га и неогороженные участки земли по 200 га. Последние сдаются в аренду чакарерос с обязательством по окончании контракта засеять землю люцерной, семена которой предоставляет эстансьеро⁷⁴.

Для эстансьеро это был оптимальный путь соединения скотоводства с земледелием. Он сокращал до минимума его затраты и избавлял от необходимости заниматься земледелием. С точки зрения занятости новая эстансия мало чем отличалась от прежней. Как и раньше, эстансьеро обходился минимумом рабочих рук пеонов. Мечтой всех эстансьеро было «видеть на своих землях максимум животных, за которыми ухаживает минимум людей»⁷⁵. Осуществилась и другая мечта скотоводов:

---

⁷² Ortiz. 1955. Т. 1. Р. 186.

⁷³ Anales 1892. Vol. XXVI. Р. 274.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Censo... 1908. Т. III. Р. 15.

«Будущее Аргентины – быть огромной фабрикой мяса, чьим двигателем будет земледелие»⁷⁶.

Модернизация скотоводства не затронула крупную земельную собственность. «Есть собственность, – отмечалось в сельскохозяйственном цензе, – которая не имеет себе подобной в Европе ни по своим размерам, ни по плодородию»⁷⁷.

Новая система хозяйствования, сохранив латифундизм, сняла экономическое противостояние земледелия и скотоводства, экономически подчинив земледелие скотоводству, а арендатора эстансьеро. Такой способ хозяйствования оказался достаточно гибким и в смысле удовлетворения запросов мирового рынка. При изменении рыночной конъюнктуры эстансьеро мог быстро перестроиться: сегодня производить больше зерна, завтра мяса и наоборот.

Подчинение земледелия животноводству выражалось не только в структуре производства, но и в его географическом размещении. Зона зерна занимала тот же район – провинция Буэнос-Айрес, юг Санта-Фе и Энтре-Риос, восток и юг Кордовы, восток Ла Платы, что и зона мяса.

В целом по стране в 1914 г. поголовье стада составило 43,3 млн овец и 25,9 млн крупного рогатого скота стоимостью в 1722 млн песо⁷⁸. Перестройка производственной структуры латифундий и рост мирового спроса на сельскохозяйственную продукцию вызвали увеличение посевных площадей, которые в 1914 г. выросли до 24,5 млн га. Из них пшеницей, кукурузой и льном засевалось 64,5%, люцерной – 30,2%, а техническими культурами – 1,1%. На продукты земледелия приходилось 50,8% аргентинского экспорта⁷⁹. Аргентина прочно занимала первое место в мировом экспорте кукурузы и льняного семени, второе в мировом экспорте пшеницы⁸⁰. Усилилось проникновение капитала в сельское хозяйство через применение машин и наем рабочей силы. В 1914 г. общая стоимость сельскохозяй-

---

⁷⁶ Daireaux. 1901. P. 201.

⁷⁷ Censo... 1908. T. III. P. 11.

⁷⁸ Historia argentina. T. 3. 1965. P. 444–445.

⁷⁹ Tercer censo. T. V. P. XIII; Historia argentina. T. 3. 1965. P. 358, 261.

⁸⁰ Ministerio de agricultura. Almanaque... 1929. P. 395.

ственной техники (в основном импортированной) составила 405,4 млн песо, а численность сельскохозяйственных рабочих – 619,8 тыс. из 2,124 млн, занятых в сельском хозяйстве⁸¹.

В эпоху агроэкспортной экономики, сложившейся в начале XX в. финансовое благополучие Аргентины зависело от валютных поступлений из-за границы. Последние складывались от выручки за экспорт и иностранных займов. Но была и существенная разница между периодом до 1890 г. и наступившим с начала XX в. До 1890 г. модель накопления основывалась не просто на внешних источниках, но эти последние сводились главным образом к иностранным займам, поскольку страна постоянно имела отрицательный торговый баланс. После 1890 г. главным источником валютных поступлений стал экспорт, а не иностранные займы. В 1900–1914 гг. Аргентина ежегодно заключала займов в среднем на 200 млн золотых песо, но экспорт приносил уже 360 млн. В результате этого оплата фиксированных процентов по долгу снизилась с 60% в 1890 г. до 34–34% от стоимости экспорта к 1914 г., что являлось лишь внешним выражением роста производительных сил в рамках агроэкспортной экономики.

Вместе с тем сумма платежного сальдо торгового баланса была явно недостаточной для одновременного погашения долга, процентов по нему, оплаты дивидендов иностранным компаниям и оплата растущего импорта. Аргентина одна, сама по себе, могла лишь обслуживать внешний долг, да и то ценой сокращения импорта, что было выражением недостаточного прогресса в развитии производительных сил в рамках агроэкспортной модели, основанной на крупной земельной собственности.

«Революция в Пампе» – как называется модернизация скотоводческой латифундии, положила конец дальнейшему развитию фермерского уклада в Санта-Фе и других провинциях. Утвердился «аргентинский» путь аграрного развития: зерновое земледелие оказалось экономически включенным в систему животноводческого производства, став прекрасной кормовой базой для скота. На смену фермерам-собственникам земли

---

⁸¹ Tercer censo T. V. P. X.

пришли арендаторы. В 1914 г. более половины сельскохозяйственных хозяйств были арендаторскими⁸². Система латифундий породила крайнюю поляризацию в распределении земельной собственности. Из 306 603 хозяйств площадью в 162,8 млн га в 1914 г. хозяйства свыше 1 тыс. га составляли 8,2% и на них приходилось 79,4% всей земельной площади⁸³. Господство крупного землевладения закрывало доступ к земле основной массе иммигрантов, которые становились арендаторами.

Существовали два типа аренды: натуральная (апарсерия) из доли урожая и денежная. Большинство иммигрантов не имели средств и становились апарсеро. Для них это был единственный способ получить доступ к земле, способ крайне обременительный. По условиям контракта, обычно устного, арендатор уплачивал землевладельцу от 10 до 30% урожая в зависимости от стоимости земли и расстояния от путей сообщения. Арендатору предоставлялся земельный участок размером 100–300 га на срок 3–4 года. Он обязан был построить временный дом, помещения для инвентаря и рабочего скота, вырыть колодец, использовать не более 10% от арендованной земли для пастьбы рабочего скота. Все остальную землю он должен был засеять злаками, указанными собственником. За произведенные улучшения арендатор ничего не получал. По истечению контракта он переселялся на другой участок, где повторял тот же самый производственный процесс. Условия аренды были выгодны землевладельцу, т.к. ни к чему его не обязывали и гарантировали стабильную ренту.

Поскольку большинство иммигрантов приезжали без денег, им нужен был кредит для обзаведения хозяйством. Но банки не давали кредит арендаторам без земли. Банковский кредит предоставлялся на 180 дней и им могли пользоваться только крупные собственники. В этих условиях чакарерос не оставалось никакого иного выхода как обратиться к сельскому торговцу (акопьядорес). Торговцы давали кредит на год, а в уплату долга забирали часть урожая. В неурожайные годы чакареро

---

⁸² Ibid. P. XI.

⁸³ Ibid. P. 3; Ferrer. 1963. P. 112.

мог вовсе не получить денег и долг переходил на следующий год. В пампе с развитием арендной системы появилась разновидность долгового пеонажа. Торговцы завышали в 2-3 раза цены на товары, отпускаемые в кредит. Проценты по кредиту составляли 20–25% годовых. Акопьядорес были частью финансовой системы, получали кредит под 12% у крупных зерновых компаний, которые в свою очередь брали у банков под 6%⁸⁴.

Помимо торговцев, помещиков и зерновых компаний арендаторам приходилось иметь дело с колонизационными компаниями. Часто земельные собственники, жившие в Буэнос-Айресе или в Париже, сдавали землю этим компаниям, которые в свою очередь сдавали ее в субаренду по несколько сот гектаров колонистам. Некоторые компании таким образом контролировали сотни тысяч гектаров. Чтобы получить кредит у компании арендатор обязан был гарантировать его оплату урожаем, продавая его местным торговцам – агентам компании, которые также выступали посредниками при аренде колонистами сельскохозяйственной техники, мешков для хранения зерна. Такое положение арендаторов привело правительственную комиссию, посетившую район аграрной забастовки в 1912 г. к выводу, который гласил: «Система субаренды представляет собой наиболее позорную систему собственников-абсентентистов»⁸⁵.

Отсутствие элеваторов и кредита под урожай вынуждали чакарерос продавать зерно сразу после сбора урожая, невзирая на рыночные цены. К тому же в Аргентине не было дорог от хозяйства к железнодорожным станциям, куда арендаторы в мешках доставляли зерно и где они сталкивались с высокими железнодорожными тарифами.

В этих условиях для арендаторов аренда в значительной степени являлась лотереей. Арендуя как можно больше земли, он играл: в случае благоприятных погодных условия и хорошей конъюнктуры на хлебном рынке он мог преуспеть. В случае неблагоприятных условий – дождей, засухи, низких цен – хо-

---

⁸⁴ Solberg. 1987. P. 143.

⁸⁵ Цит. по: Barsky. 1992. P. 47.

зйство продавалось с молотка. Такое положение вещей получило название «безумной спекуляции пшеничных фермеров».

В историографии отсутствует единая социально-классовая характеристика чакарерос. Все множество характеристик можно свести к двум: 1. чакареро это крестьянин, которого эксплуатирует помещик; 2. чакареро это мелкий капиталист аграрий.

Первая точка зрения обосновывается тем, что в начале XX в. в сельском хозяйстве пампы господствовали два вида аренды: продуктовая и денежная, при которых арендатор отдает землевладельцу все, что превышало его прожиточный уровень. Все это свидетельствует о сохранении докапиталистических пережитков и глубокой зависимости арендатора от помещика. Отношения между ними не носили капиталистический характер, когда арендатор капиталист отдает часть прибавочной стоимости помещику, полученной в результате эксплуатации наемных рабочих⁸⁶.

Сторонники второй точки зрения подчеркивали предпринимательский характер аренды, указывают на стремление чакарерос получить максимальную прибыль. «Фермеры, выращивающие пшеницу, – пишет американский историк Карл Солберг, – были мелкими капиталистами, которые стремились получить максимальную прибыль. Как и капиталисты повсюду, они нанимали рабочую силу. Хотя фермер работал и сам, он не может быть назван членом рабочего класса»⁸⁷.

Обращается внимание и еще на один аспект проблемы: у чакарерос отсутствовал менталитет крестьянина. Земледелие для него было средством заработка, а не получения земли, на которой он мог вести хозяйство, передавая его детям. В своем большинстве иммигранты не были земледельцами, а сельскохозяйственными рабочими, детьми крестьян, вынужденных у себя на родине уйти в города, а затем уехать в Аргентину, искать работу и средства жизни для своей семьи, а не собственность и стабильное хозяйствование на земле⁸⁸.

---

⁸⁶ Fuchs. 1965. P. 88–89.

⁸⁷ Solberg. 1987. P. 130.

⁸⁸ Gagnard, P. 380.

В конце XX в. появилась характеристика чакарерос как специфического общественного класса – порождение аргентинского аграрного капитализма. Чакареро – арендатор, который трудится сам со своей семьей, нанимая спорадически или постоянно рабочую силу, используя свою или арендованную сельскохозяйственную технику и получает прибавочную стоимость, часть которой отдает собственнику земли, а остальную присваивает в форме прибыли⁸⁹.

По нашему мнению, бесспорно, что особенности аренды, ее кабальные условия мешали предпринимательской деятельности чакарерос, налагали ограничения на всю его производственную деятельность, обязывая иметь дело только с теми физическими и юридическими лицами, на которых укажет помещик или колониционная компания. Это позволяет говорить об определенной «феодализации» аграрного строя. Целью начавшегося в 1912 г. аграрного движения «Клич Алькорты» проходившего под лозунгом «Долой рабские контракты» стала борьба за свободу предпринимательства, устранение всех препятствий для накопления капитала и, соответственно, за развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Вместе с тем утвердившийся в Аргентине аграрный строй отличался от существовавшего в англосаксонских переселенческих странах. В них практически все иммигранты принимали местное гражданство, становясь органической частью новой нации. Это достигалось соответствующей политикой, которая не ограничивалась привлечением широких масс иммигрантов, как это было в Аргентине, но преследовала цель закрепить их в стране путем облегчения доступа к земельной собственности. В Канаде, где земледельческая колонизация проходила одновременно с аргентинской, федеральное правительство проводило общенациональную политику распределения общественных земель на основе закона о гомстедах. Как и в США каждый гражданин, уплатив небольшой регистрационный сбор мог стать владельцем 160-акрового участка (65 га). Поэтому иммигрант, желающий получить землю по закону о гомстедах, прежде

---

⁸⁹Bonaudo... La problematica agraria I. 1992. P. 76.

должен был стать канадским гражданином. Такая политика вызвала массовое принятие канадского гражданства потенциальными фермерами. В свою очередь, натурализация иммигрантов открывала им доступ к участию в политической жизни, а обладание собственностью вызывало кровную заинтересованность в ее защите.

Ничего подобного не было в Аргентине, где отсутствие общенациональной политики наделения иммигрантов землей на льготных условиях с обязанностью принять аргентинское гражданство привело как к экономической слабости класса чакарерос, так и к сохранению его многонационального состава.

«Аргентинское кочевое земледелие, – по справедливому замечанию Солберга, – не создало нацию»⁹⁰. Утвердившиеся аграрные порядки (краткосрочная кабальная аренда, подчинение чакарерос помещикам и колониционным компаниям) вели к нерациональному использованию земли, низким урожаям и бедности сельского населения.

Это контрастировало с положением в тех районах провинции Санта-Фе, где сохранились фермерские хозяйства – собственники земли. Пропагандируя фермерский путь аграрного развития, и ставя в пример эти хозяйства, журнал «Review of the River Plate» писал: «Выгоды от раздела и колонизации земли демонстрируется в самой Аргентине. Достаточно сравнить население, производство, богатство, процветание, хорошие дороги, школы, высокий уровень жизни, кооперацию, общественный дух и оптимизм департамента Кастельянос в провинции Санта-Фе – место благополучных колоний с любым другим департаментом или частями республики, чтобы осознать огромную разницу, которую владение маленькими участками земли производит в экономической жизни нации»⁹¹.

Несовершенство аграрного строя в стране понимали и в среде господствующего класса, Примечательны в этом отношении работы составителей Национального сельскохозяйственного ценза 1908 г. Т.Гибсона и Г.Дьеруса, а также автора классиче-

---

⁹⁰ Solberg. 1987. P. 7.

⁹¹ Ibid. P. 713.

ского труда «Историческая эволюция режима общественной земли» М.А. Каркано.

Так Гибсон, отмечая большие успехи в модернизации эстансий, призывал не останавливаться на этом. «В свою очередь, все это предназначено к преобразованию; в сегодняшних обширных эстансиях пустят корни очаги сельского населения с большей плотностью, что завтра приведет к их разделу, вызвав интенсивную обработку земли, создав народ, который придаст силу, энергию и присутствие духа будущей Аргентинской Нации»⁹². Гибсон верит, что крупная земельная собственность разделится естественным путем.

Дьерус признает существование эстансий в 100, 50, 20, 10 квадратных лиг (лига² = 2700 га), но отмечает сокращение их размеров благодаря закону о наследстве. «Тем не менее тенденция к латифундии сохраняется как угроза, которая может в определенной мере задержать прогресс страны, т.к. земля будет приобретать все большую стоимость и все меньшую выгоду будет приносить ее продажа семьям крупных собственников. Существующие на сегодняшний день законы разрешают создавать акционерные общества с целью присвоения огромных земельных площадей. Однажды потребуется их изменить»⁹³.

Каркано рассматривает латифундизм как логический результат, как следствие существующего законодательства и окружающей среды. Он признает, что для трудящихся существуют трудности в приобретении земли на хороших условиях, которые правительство не знает как предложить⁹⁴. Тем не менее он верит, что в результате изменений в производстве – эволюции в сторону ферм – парцелляция земли пойдет естественным путем. По его мнению, нельзя ограничиваться принятием законов в отношении общественной земли, «необходимо озаботиться частными землями, внимательно следить за движением земельной собственности и ее правильным разделом, предотвращая соответствующими распоряжениями скопление населения в по-

---

⁹² Censo... 1907. Т. III. P. 99.

⁹³ Ibid. P. 206.

⁹⁴ Carcano, 1972. P. 385.

селках и городах, побуждая его к большей производительности, эффективности производства. Облегчить раздел хорошей земли как лучшее средство привлечь население и увеличить число собственников, вот что является в действительности основой настоящей демократии и силы великой нации»⁹⁵.

Предложения Каркано сводились к проведению налоговых реформ, предоставления кредита на не ростовщических условиях, переходу к интенсивному земледелию, вытеснение экстенсивного земледелия в окраинных районах, обеспечение трудящихся земельной собственностью, «размер которой может обеспечить существование его семьи». По его мнению, частная инициатива, дополненная действиями правительства, позволит гармонично развиваться сельскому хозяйству.

Анализируя реальное положение и возможности страны, Каркано полагал, что Аргентина в состоянии первенствовать над другими странами-производителями, но в тоже время обращал внимание на нерешенность главного вопроса. «Хороший раздел земли и хорошие условия производства – решающий и исходный пункт ее преимуществ, основа колонизации и большая проблема, которая еще не решена»⁹⁶.

Все эти идеи и предложения остались хорошими, но так и не реализованными пожеланиями.

Экстенсивный характер сельского хозяйства позволял Аргентине развиваться при наличии свободных земель в пампе и постоянного притока европейских иммигрантов. Со стабилизацией аграрной границы в пампе и прекращением иммиграции начался застой, а затем и кризис.

Библиография / References

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
Ф. Канцелярия 1890. Д. 83.
История Латинской Америки. 70-е годы XIX –1918. М., 1993.
Istoriya Latinskoy Ameriki: Moskva, 1993.

---

⁹⁵ Ibid. P. 393.

⁹⁶ Ibid. P. 396.

- Мендельсон А.Л.* Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. I–III. М., Соцэгиз, 1959–1964. Mendelson A.L. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh krizisov i tsiarov. T. I–III. M.: Sotsegiz, 1959–1964.
- Очерки истории Аргентины. М.: Соцэгиз, 1961. Ocherki istorii Argentiny. M.: Sotsegiz, 1961.
- Anales de la Sociedad Rural Argentina. 1883. Vol. XIX; 1885. Vol. XXI; 1886. Vol. XXII; 1887. Vol. XXIII; 1888. Vol. XXIV; 1892. Vol. XXXVI.
- Archivo General de la Secretaria de Relaciones Exteriores de Mexico Año 1890–91.
- Argentina. Censo nacional agropecuario 1908. T. I–III. Buenos Aires, 1908.
- Argentina. Comisión directiva del segundo censo de la República Argentina. Mayo 10 de 1895. T. I–III. Buenos Aires, 1898.
- Argentina. Comisión nacional del censo. Tercer censo nacional levantado el 1° de junio de 1914. T. I–X. Buenos Aires, 1916–1917.
- Argentina. Congreso nacional. Cámara de senadores 1882. Buenos Aires, 1932.
- Argentina. Ministerio de agricultura de la Nación Almanaque de ministerio 1929. Buenos Aires, 1929.
- Barsky O., Posado M., Barsky A. (Comp.)* El pensamiento agrario argentino. Buenos Aires: Centro Editar de América Latina, 1992.
- Bonaudo M., Pussiarelli A.R. (Comp.)* La problemática agraria Nuevas aproximaciones I. Buenos Aires: Centro Editar de América Latina, 1992.
- Bonaudo M., Pussiarelli A.R. (Comp.)* La problemática agraria. Nuevas aproximaciones III. Buenos Aires: Centro Editar de America Latina, 1993.
- Brailovsky A.F.* Historia de las crisis argentinas. Buenos Aires: Ed. Belgrano, 1983.
- Carrasco J.* Primer censo general de la provincia de Santa Fe 1887. La Plata: ed. J. Penser, 1888.
- Cortes Condi R.* El progreso argentino. 1880–1914. Buenos Aires: Sudamericana, 1979.
- Daireaux G.* Manual de la agricultura. Buenos Aires, 1909.

- Diaz Alejandro C.* Ensayos sobre la historia económica argentina. Buenos Aires: Amorrarti, 1975.
- Documentos relativos a la organización constitucional de la República Argentina. T. I–III. Buenos Aires, 1911–1914.
- Ensinick O.L.* Historia de inmigración y la colonización en la provincia de Santa Fe. Buenos Aires: FHO, 1979.
- The Economist. Vol. 6. 1892. London, 1892.
- Extracto estadístico de la República Argentina. Buenos Aires, 1916.
- Ferrer A.* La economía argentina. Buenos Aires: FCE, 1963.
- Ford A.G.* The gold standard. 1880–1914. Britain and Argentina. Oxford, 1962.
- Fuchs J.* Argentina: Su desarrollo capitalista. Buenos Aires: Ed. Cartago, 1965.
- Gaignard R.* La Pampa argentina. Buenos Aires: Solar, 1981.
- Gilbert H.* Historia económica de la ganadería argentina. Buenos Aires: Ed. Solar, 1981.
- Historia argentina contemporánea 1862–1930. T. 1–4. Buenos Aires, 1964–1965.
- Mulhall M.J.* Handbook of the River Plate. Buenos Aires, 1892.
- Naciones Unidas. Comisión Económica para América Latina (CEPAL). El desarrollo económico de la Argentina. P. 1–2. Mexico, 1959.
- Oddone J.* La burguesía terrateniente. Buenos Aires: Ed. Libera, 1956.
- Ortiz R.* Historia económica de la Argentina. T. 1–2. Buenos Aires: Raigal, 1955.
- Paso L.* Historia del origen de los partidos políticos en la Argentina 1810–1918. Buenos Aires, 1975.
- Sabato J.F.* La clase dominante en la Argentina moderna. Buenos Aires, 1986.
- Scobie J.R.* Revolution on the Pampas. A Social history of Argentine wheat. 1860–1910. Univ. of Texas, 1964.
- Solberg C.* The Prairies and the Pampas. Stanford Univ. Press, 1981.
- Williams J.H.* Argentina international trade under inconvertible paper money 1880–1900. New York, 1969.